

ОДИССЕЙ

2006

2006 * ОДИССЕЙ

Феодализм перед судом
историков

«Устранение необоснованного
многообразия»...

Майстер Экхарт
и Григорий Палама

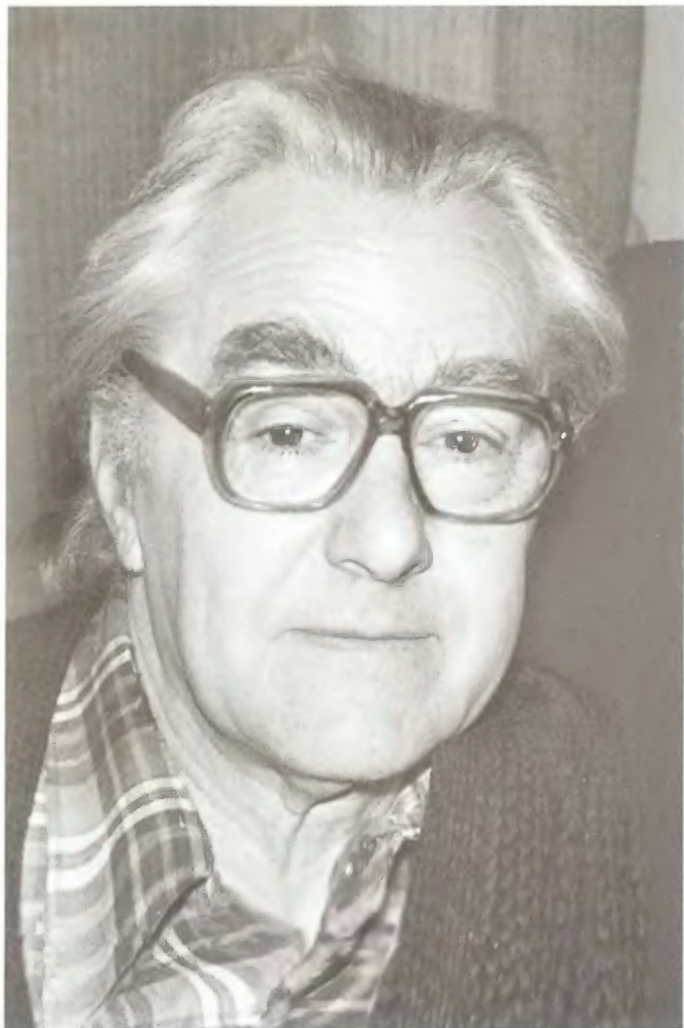
Семиотика «дедовщины»

Житие Святого Патрика: взгляд
из VII века

Культ Фрейра в Швеции

НАУКА

Арон Яковлевич
ГУРЕВИЧ
(1924–2006)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Feudalism
on Historians' Trial*

2006

MOSCOW NAUKA 2006

ОДИССЕЙ

Человек в истории

Феодализм
перед судом историков

2006

МОСКВА НАУКА 2006

Издание основано в 1989 году

Главный редактор **А.Я. ГУРЕВИЧ**

Редакционная коллегия:

М.Л. АНДРЕЕВ, Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО (ответственный секретарь),
Б.С. КАГАНОВИЧ, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. главного редактора),
В.Н. МАЛОВ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ,
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Секретарь редакции **И.Г. ГАЛКОВА**

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч. Вс. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТинский,
В.И. УКОЛОВА, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

доктор исторических наук **С.Г. КАРПЮК,**
кандидат исторических наук **А.С. КЛЕМЕШОВ**

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1989. –

2006 : Феодализм перед судом историков [гл. ред. А.Я. Гуревич]. – 2006. – 493 с. – ISBN 5-02-034005-7.

Главная тема выпуска – концепция феодализма с точки зрения современной исторической науки. Публикуются статьи по истории этого понятия и сравнительно-исторические исследования, в том числе А.Я. Гуревича “О средневековой крестьянской цивилизации”. В разделе “Культурная история социального” анализируются социальные аспекты нормирования языка в Германии; феномен насилия в российской армии рассматривается сквозь призму семиотического подхода. Внимание читателей привлекут статья о европейскости России и публикации “Жития святого Патрика” и “Пряди об Эгмунте Битом”.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и широкого круга читателей.

Темплан 2006-1-307

ISBN 5-02-034005-7 © Институт всеобщей истории РАН, 2006

© Коллектив авторов, 2006

© Российская академия наук и Издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1995 (год основания), 2006

© Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИКОВ

<i>П.Ю. Уваров</i> В ПОИСКАХ ФЕОДАЛИЗМА	5
<i>А.Я. Гуревич</i> ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИКОВ, ИЛИ О СРЕДНЕВЕКОВОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	11
<i>И.В. Дубровский</i> КАК Я ПОНИМАЮ ФЕОДАЛИЗМ	50
<i>Л.А. Пименова</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О “ФЕОДАЛЬНОМ” В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ XVIII в.	63
<i>А. Герро</i> ФЬЕФ, ФЕОДАЛЬНОСТЬ, ФЕОДАЛИЗМ. СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ И ИСТОРИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ	77
<i>Н.А. Селунская</i> “СЕНЬОРИЯ, ОБЩИНА И ВАССАЛИТЕТ ПРОСТОЛЮДИНОВ”, ИЛИ “ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ РЕЙНОЛЬДС”	114
<i>П.В. Лукин</i> ПРАЗДНИК, ПИР И ВЕЧЕ: К ВОПРОСУ ОБ АРХАИЧЕСКИХ ЧЕРТАХ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН.....	134
<i>П.С. Стефанович</i> БОЯРСКАЯ СЛУЖБА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ	151
<i>В.Я. Петрухин</i> ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	161
<i>П.Ю. Уваров</i> ФЕОДАЛИЗМ В XXI ВЕКЕ	171
<i>А.Я. Гуревич</i> POST SCRIPTUM: PEASANT SOCIETY И ПРОФЕССОР КРИС УИКХЕМ	184

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО*И.Е. Суриков*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ ДРАКОНТА И СОЛОНА: РЕЛИГИЯ, ПРАВО И ФОРМИРОВАНИЕ АФИНСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ОБЩИНЫ	201
--	-----

К.А. Левинсон

“УСТРАНЕНИЕ НЕОБОСНОВАННОГО МНОГООБРАЗИЯ”: НОРМИРОВАНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ В ГЕРМАНИИ XIX В. И ЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТЕКСТ	221
--	-----

К.Л. Банников

“ПОТОМУ ЧТО АБСУРДНО”: СЕМИОТИКА НАСИЛИЯ В МЕТАМОРФОЗАХ СОЦИОГЕНЕЗА	261
---	-----

А.Г. Левинсон

ГОСЗАКАЗ НА ДЕДОВЩИНУ: КРАТКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ	279
--	-----

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ*М.Ю. Реутин*

МАЙСТЕР ЭХХАРТ – ГРИГОРИЙ ПАЛАМА (К СОПОСТАВЛЕНИЮ НЕМЕЦКОЙ МИСТИКИ И ВИЗАНТИЙСКОГО ИСИХАЗМА).....	285
---	-----

С.И. Лучицкая

ХРИСТИАНСКО-МУСУЛЬМАНСКАЯ ПОЛЕМИКА ПО ПОВОДУ ИЗОБРАЖЕНИЙ В ЭПОХУ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ	319
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ*Г.В. Бондаренко*

МУРЬХУ МОККУ МАХТЕНИ: ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ДРЕВНЕЙ ИРЛАНДИИ И РОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СВЯТОСТИ	351
--	-----

Мурьху мокку Махтени

ЖИТИЕ СВЯТОГО ПАТРИКА (перевод Г.В. Бондаренко и С.В. Шкунаева, комментарии Г.В. Бондаренко)	363
--	-----

Е.А. Гуревич

КУЛЬТ ФРЕЙРА В ШВЕЦИИ. “ПРЯДЬ ОБ ЭГМУНДЕ БИТОМ ИГУННАРЕ ПОПОЛАМ” (перевод, комментарии и статья Е.А. Гуревич)	390
---	-----

ИСТОРИЯ РОССИИ: QUO VADIS?

Б.Н. Миронов

ДИСКУРС О ЕВРОПЕЙСКОСТИ РОССИИ, ИЛИ КОНСТРУИРОВАНИЕ ЕВРОПЫ: ЕВРОПА С РОССИЕЙ ИЛИ БЕЗ?.....	420
--	-----

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

Л.П. Лаптева

У ИСТОКОВ ТРАГЕДИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

<i>М.А. Робинсон. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 30-х годов). М., 2004</i>	444
---	-----

ЮБИЛЕИ.....	458
-------------	-----

К СТОЛЕТИЮ Леонида Ефимовича ПИНСКОГО	458
---	-----

ПАМЯТИ УШЕДШИХ.....	469
---------------------	-----

Михаил Леонович ГАСПАРОВ (1935–2005).....	469
---	-----

Владимир Николаевич ТОПОРОВ (1928–2005)	471
---	-----

Елеазар Моисеевич МЕЛЕТИНСКИЙ (1918–2005).....	478
--	-----

Арон Яковлевич ГУРЕВИЧ (1924–2006)	480
--	-----

SUMMARIES	481
-----------------	-----

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....	487
----------------------------	-----

CONTENTS

FEUDALISM ON HISTORIANS' TRIAL

<i>P.Yu. Uvarov</i> IN SEARCH OF FEUDALISM.....	5
<i>A.Ya. Gurevich</i> FEUDALISM ON HISTORIANS' TRIAL, OR MEDIAEVAL PEASANT CIVILISATION REVISITED.....	11
<i>I.V. Dubrovsky</i> MY PERCEPTION OF FEUDALISM	50
<i>L.A. Pimenova</i> THE DELIBERATIONS ON THE "FEUDAL" IN THE 18TH CENTURY PRE-REVOLUTIONARY FRANCE	63
<i>A. Guerreau</i> FIEF, FEUDALITY, FEUDALISM. SOCIAL ORDER AND HISTORICAL THOUGHT	77
<i>N.A. Selunskaya</i> "SIGNORIA, COMMUNES AND VASSALAGE OF THE BASE-BORN PEOPLE", OR "ASSUMPTION OF S. REYNOLDS' INNOCENCE"	114
<i>P.V. Lukin</i> FESTIVAL, FEAST AND VECH: ON SOME ARCHAIC FEATURES OF WESTERN AND EASTERN SLAVS' SOCIAL ORDER	134
<i>P.S. Stephanovich</i> THE BOYARS' SERVICE IN MEDIAEVAL RUS'	151
<i>V.Ya. Petrukhin</i> FEUDALISM ON TRIAL OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY	161
<i>P.Yu. Uvarov</i> FEUDALISM IN THE 21ST CENTURY	171
<i>A.Ya. Gurevich</i> POST SCRIPTUM: "PEASANT SOCIETY" AND PROFESSOR CHRIS WICKHAM	184

CULTURAL HISTORY OF THE SOCIAL

<i>I.E. Surikov</i> THE LEGISLATIVE REFORMS OF DRAKON AND SOLON: RELIGION, LAW AND THE FORMATION OF ATHENIAN CITIZEN COMMUNITY	201
--	-----

K.A. Levinson

"THE REMOVAL OF THE UNFOUNDED VARIETY": LANGUAGE NORM SETTING IN THE 19TH CENTURY GERMANY AND ITS SOCIO-CULTURAL CONTEXT	221
--	-----

K.L. Bannikov

<i>QUIA ABSURDUM</i> : THE SEMIOTICS OF VIOLENCE IN THE METAMORPHOSES OF SOCIOGENESIS	261
---	-----

A.G. Levinson

THE STATE ORDER FOR <i>DEDOVSCHINA</i> . A BRIEF REMARK	279
---	-----

COMPARATIVE HISTORY

M.Yu. Reutin

MEISTER ECKHART AND GREGORY PALAMAS. ON THE SIMILARITY BETWEEN THE THEOLOGICAL TEACHINGS OF GERMAN MYSTICISM AND BYZANTINE HESYCHASM.....	285
---	-----

S.I. Luchitskaya

CHRISTIAN-MUSLIM IMAGOLOGICAL POLEMICS IN THE TIME OF THE CRUSADES	319
--	-----

PUBLICATIONS

G.V. Bondarenko

MUIRCHÚ MOCCU MACHTHENI: CONVERSION TO CHRISTIANITY IN EARLY IRELAND AND THE BIRTH OF NATIONAL SAINTHOOD	351
--	-----

Muirchú moccu Machtheni

THE LIFE OF SAINT PATRICK (<i>translated by G.V. Bondarenko, S.V. Shkunaev, notes by G.V. Bondarenko</i>)	363
---	-----

Ye.A. Gurevich

FREYR'S CULT IN SWEDEN. "THE STORY OF EGMUND THE BEATEN AND GUNNAR HALF-AND-HALF" (<i>translation and notes by Ye.A. Gurevich</i>)	390
--	-----

HISTORY OF RUSSIA: *QUO VADIS?*

B.N. Mironov

A DISCOURSE ON EUROPEAN FEATURES OF RUSSIA, OR THE CONSTRUCTION OF EUROPE: EUROPE WITH RUSSIA OR WITHOUT?....	420
---	-----

BOOK REVIEWS

L.P. Lapteva

AT THE SOURCES OF RUSSIAN HUMANITARIAN *INTELLEGEN-*
CIA'S TRAGEDY

<i>M.A. Robinson. The Fortunes of Academic Elite: Russian Slavic Studies (1917 – early 1930-s). Moscow, 2004</i>	444
ANNIVERSARIES	458
The 100th Anniversary of Leonid Efimovich PINSKY	458
IN MEMORIAM.....	469
Mikhail Leonovich GASPAROV (1935–2005).....	469
Vladimir Nikolaevich TOPOROV (1928–2005)	471
Yeleazar Moiseevich MELETINSKY (1918–2005).....	478
Aron Yakovlevich GUREVICH (1924–2006).....	480
SUMMARIES	481
SOURCES OF ILLUSTRATIONS.....	487

“ПОТОМУ ЧТО АБСУРДНО”:
СЕМИОТИКА НАСИЛИЯ
В МЕТАМОРФОЗАХ СОЦИОГЕНЕЗА

ДЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ – ПЕРЕЗАГРУЗКА
СОЦИАЛЬНОСТИ?

Всякий, кому довелось побывать в армейских казармах или лагерных бараках, возможно, вспомнит первое чувство – это чувство глубокого удивления от нового опыта пребывания в этой концентрированной антропологической среде, отношения в которой идут вразрез со всем предыдущим опытом социализированной в гражданском обществе личности. Причудливые отношения, в которые вступают друг с другом обитатели казарм российской армии, – результат “лабораторного” опыта, которые ставит на своих гражданах государство. Оставляя тему прав человека правозащитникам, рассмотрим недавнюю советскую и современную российскую армию с антропологической точки зрения метаморфоз культурной природы человека.

Надеюсь, я не открою военную тайну, сообщая, что положение солдат в поздней советской и современной российской армии отличается от положения рабов разве что пафосной риторикой “работладельцев” на тему рабства как “почетной обязанности”. Сомневающимся в справедливости столь радикального утверждения я предлагаю ознакомиться с архивом аналитических материалов и документов по новейшей “этнографии” российской армии, который формирует на web-сайте журналист Александр Костинский¹, с подшивками “Новой газеты”, которая на протяжении лет регулярно публикует материалы о правах человека в армии, а также с моей монографией “Антропология экстремальных групп”².

Человек, попадающий на срочную службу, оказывается между жерновами двух систем организованного насилия: официальной, цинично именуемой “почетной обязанностью”, и неофициальной, известной как “дедовщина”. Официальная система, кроме малоубедительной риторики и девальвированного пафоса на тему “долга” и “патриотизма”, никаких стимулов солдату для добросовестной службы не предлагает. А поскольку в мерах принуждения официальная уставная система ограничена своей собственной природой – законом, постольку ее дополняет “дедовщина” – неограниченная в мерах воздействия на тело и психику неуставная система доминантных отношений. Во взаимодействии обеих систем – “уставщины” и “дедовщины” достигается сверхзадача тоталитарного государства – воспи-

тание гражданина в системе превентивного унижения, как эффективно тотального механизма социального контроля.

Армейские коллективы начинают формироваться путем механической консолидации – призывной мобилизацией лиц одного пола и возраста в одном пространстве на продолжительное время, в течение которого в их среде вырабатываются принципы самоорганизации, осуществляемые в итоге через репрессивный контроль сознания. Подавление гражданской личности с целью изготовления из нее идеального солдата и идеального гражданина тоталитарного государства, подчиняющегося на уровне рефлексов в советско-российской армии реализуется словно точно по Дж. Оруэллу, описавшему технологии уничтожения субъективности человеческой личности³.

В армии “развитого социализма” и развитой же дедовщины, так же как в романе, образ внешнего врага размыт и не ясен. Он опасен человеческой личности тем, что приучает его ненавидеть абстрактно, беспредметно, как бы жить в состоянии страха и ненависти вообще, отчего эти чувства скоро становятся интегральной частью личности. Иосиф Бродский об этом писал: «На мой взгляд, тюрьма гораздо лучше армии. Во-первых, в тюрьме никто не учит тебя ненавидеть далекого “потенциального” врага. ... В тюрьме твой враг – не абстракция; он конкретен и осязаем. В тюрьме имеешь дело с одомашненным понятием врага, что делает ситуацию приземленной, обыденной. По существу, мои надзиратели или соседи ничем не отличались от учителей и тех рабочих, которые унижали меня в пору моего заводского ученичества. Служба в советской армии длилась от трех до четырех лет, и я не видел человека, чья психика не была бы изуродована смирительной рубашкой послушания. За исключением разве музыкантов из военных оркестров да двух дальних знакомых, застрелившихся в 1956 году в Венгрии, – оба были командирами танков. Именно армия окончательно делает из тебя гражданина; без нее у тебя еще был бы шанс, пусть ничтожный, остаться человеческим существом. Если мне и есть чем гордиться в прошлом, то тем, что я стал заключенным, а не солдатом»⁴.

Приведение человеческой психики к средней норме покорной массы осуществляется не сразу, но постепенным включением рационализованного гражданского сознания в среду тотального абсурда. Абсурд в армии – действенный инструмент десоциализации гражданской личности, воспитанной в идеальных парадигмах культуры: логики, здравого смысла, личной ответственности и свободы выбора. В армии происходит десоциализация гражданского человека с последующей ресоциализацией его в качестве строевой единицы тоталитарного режима, имеющей опыт запредельного унижения и умеющего унижать. «Когда подобное унижение захватывает всех

членов в группе и становится всеобще-принудительным, даже обязательным (ритуальным, как дедовщина), возникает некое подобие "справедливости" и готовность ее поддержать, более того – навязать, в свою очередь, другим»⁵.

Стремление к соответствию даже самым извращенным, но принятым в качестве "нормы" реалиям, и под угрозой превращения не соответствующего в антропологического антипода – главный стимул принятия младшими беспредельного насилия со стороны старших, и есть принцип самовоспроизводства "дедовщины".

Приобретению опыта унижения посвящена первая половина срока службы в армии, а опыт пытаться и унижать ближнего приобретается, по извращенной логике компенсации собственного унижения, на протяжении второй половины этого срока. Доминантные отношения детально оформляются в разработанной системе статусных символов, охватывающей не только символическую трансформацию одежды, жилого пространства, предметного мира личности вообще, ее систем жизнеобеспечения, включая правила приема пищи, сна, личной гигиены и физиологических отправок, но и знаковую трансформацию самого человеческого тела посредством татуировок, шрамов и генитальных операций, направленных на "украшение" половых органов всевозможными надрезами и имплантатами.

Переход из одного статуса в другой сопровождается обрядами, аналогичными возрастным инициациям в архаических обществах, смысл которых – символическая смерть мальчика и возрождение его в статусе взрослого мужчины-воина. Состояние в период перехода статусов классики социальной антропологии Ван Геннеп и Виктор Тернер определили как "лиминальное" (от лат. *limen* – "граница"). "Лиминальные существа ни здесь, ни там, ни то, ни се; они – в промежутках между положениями, предписаниями"⁶, – писал В. Тернер о социально-психологическом состоянии туземной молодежи в период инициационных обрядов.

Подобно молодым туземцам, члены низших солдатских страт ("духи") в своей лиминальности доведены до семиотического абсолюта; они бесправны настолько, что состоят не только в промежутках между статусами, этическими моделями и правовыми нормами, но и между пространством и временем. "Духи" вне пространства, поскольку семиотически бесплотны: они должны каждую минуту формировать пространство (мыть казарму и ровнять койки), но не имеют права этим пространством пользоваться (лежать или сидеть), поскольку они должны всегда "летать" (крайне расторопно выполнять адресованные им сигналы), они должны молчать, но понимать язык жестов (приносить сигареты, газеты, тапки по щелчку пальцев).

Адаптация сознания к среде абсурда происходит на фундаментальном уровне – через отучение размышлять о смысле как тако-

вом. Десоциализация гражданской личности, с ее последующей ресоциализацией в качестве идеального солдата, подчиняющегося на уровне рефлексов, не размышляя о целях, образах и смыслах собственного действия, осуществляется посредством тотального вовлечения его в автоматизированную деятельность⁷. Достигается это путем чередования нейтральных бессмысленно-механических (“муштра”), или в активно-репрессивных действиях. Репрессивные механические действия отличаются от нейтральных тем, что они, организованные по формальным признакам действия разумного и рационального, предлагаются пытаемому к осмыслению, но при этом всем известно, что они не имеют другой цели, как подавление его воли и сознания. Можно очень хорошо вымыть грязную казарму. Но чистую казарму вымыть невозможно, ее можно лишь бесконечно перемывать, и целью труда в этом случае будет не достижение чистоты, а подавление личности деятеля абсурдностью его действий. В превращенной в физическую и психологическую пытку уборке помещений выхолащивается сам смысл эстетики и комфорта. Казарменная красота – это геометрия пространства, исключаяющая человеческое присутствие. И работы по ее поддержанию ведутся, во-первых, бессмысленно непрерывно, во-вторых, их цель подчеркнута репрессивна⁸. Так и происходит организация труда в армии – не ради выполнения рациональной работы, но ради постоянной репрессии, которая так же имеет у военачальников псевдорациональное обоснование – “занять личный состав”. В советско-российской армии, в которой “круглое носят, квадратное катают” и “подметают ломом плац”, лишенный смысла труд переосмыслен из рациональной деятельности в иррациональную, в качестве средства репрессивного управления.

Сама казарменная эстетика – ее чистота и красота, потому что она (и здесь в полной мере открывается антигуманитарное значение социального применения абсурда) – не для жизни людей, а для их символической смерти. А средства наведения порядка посредством изоциренных технологий приобретают характер пытки, в чем и состоит цель изоцирения. Все это бесконечное перемывание полов и стен с вареным (чтобы не мылилось!) мылом, набивание канта на заправленной кровати посредством табурета и тапочки, надраивание унитазов зубными щетками и бритвами (предметами, семантически связанными с чистым телесным верхом, абсурдно используемые в среде грязного телесного низа) имеет семантической целью уничтожение личности. Как лучше уничтожить человека мыслящего? Эмпирически доказать абсурдность самого факта сознания. Точная инверсия принципа *cogito ergo sum*. Дембельский привет Декарту!

Продукт семантического уничтожения человеческого существа воплощается в низших и наиболее бесправных кастах иерархии де-

довщины. "Духи", как семиотически воплощенное отсутствие, не имеют права счета времени, календарь им "не положен по сроку службы". Но при этом они обязаны вести счет сроку службы своих "дедов", особенно когда наступает сто дней до приказа об их увольнении в запас.

Хронотоп для "тех, кого нет" вообще не существует, как не может существовать тело у призраков ("духов"!)." Их социальная функция – персонификация границ бытия, мира, социума, самого антропологического предела человека, за которым простирается враждебный мир внешних и внутренних антиподов – офицеров и "чмырей" (всеми презираемых изгоев и париев) – персонификаторов всеуравнивающего и растворяющего принципа энтропии "улавщины". Стать "чмырем" или "чмом" – значит пройти путем семантических этико-эстетических несоответствий и ...сорваться в пропасть экзистенциального абсурда. Если унижение и уничтожение "духов" носит ритуальный характер, неизбежный и временный, как возрастная фаза, после которой их ждет также неизбежное повышение статуса, то положение "чмо" – абсолютно, поскольку не меняется.

Если доминантные отношения относительно общей массы нормативны и обеспечены подобием правовой системы, или, как это верно заметил Лев Гудков, "здесь жертва и насильник различаются только фазой цикла насилия, а не существом, не антропологически", то "чмо" не только являются исключением из правил, но персонифицируют собой сам принцип исключения вообще. В том числе антропологического исключения. Разумеется, правило перехода из фазы жертвы в фазу насильника на них не распространяется. Социальный феномен "чмо" состоит в культурной миссии культурного антипода.

РОЛЬ АНТИПОДА В СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Всевозможные абсурдные типы – социальные антиподы, "живые трупы", воплощение идеи небытия или скверны мира, выполняют важную социальную миссию – обозначают самим фактом своего парадоксального существования границы бытия, утверждая принципы социальности от обратного. Благодаря антиподам любой член социума, испытывающий дефицит позитивных факторов идентичности и будучи не в состоянии внятно самому себе сказать "кто есть я", может указать на антипода и сказать примерно следующее "я могу не знать, кто есть я, но я точно знаю, что я не есть он". То есть "мы не антиподы, антиподы – не мы". Это не принцип идентичности, а ее заклинивание, действенное для тех, кто сомневается в ее наличии.

В любом обществе, переживающем кризис идентичности, социально востребованы социально-абсурдные (или нормально асоциальные) типы – юродивые, “городские сумасшедшие”, бомжи и пр. Их роль – “социальная прививка”, в которой они демонстрируют всякому социализирующемуся члену общества промежуточное социобиологическое состояние, к которому может привести неадекватность персональной позиции общественным нормам поведения.

Некоторые сообщества даже специально, в социоритуальных целях содержали таких асоциальных типов. Общественный интерес к символической функции антипода как фактора негативной социальной мобилизации оформлялся в областях религиозного сознания и составлял семиотический фокус идеи жертвоприношения.

«Предусмотрительные Афины содержали на свой счет несколько несчастных для жертвоприношений этого рода. В случае нужды, т.е. когда город поражало или грозило поразить какое-то бедствие: эпидемии, голод, чужеземное вторжение, внутренние распри, в распоряжении коллектива всегда имелся фармак. Жертва считается той скверной, которая заражает все вокруг себя, и смерть, действительно очищает общину, поскольку возвращает туда мир. Поэтому “фармака” и проводили чуть ли не повсюду – чтобы он впитал всю нечистоту и взял ее на себя; после этого “фармака” выгоняли или убивали во время церемонии, в которой участвовало все население»⁹. Семиотика церемониала очищения древнегреческого полиса аналогична церемонии очищения в древней Японии. Там, в процессе обряда о-хараи, скверна, накопившаяся в человеке, переходила кукле, которая бросалась в поток. По всей видимости, в церемониальной функции куклы-заместителя эволюционировали человеческие жертвоприношения, имеющие тот же смысл ретрансляции жизненных сил и аккумуляции скверны.

В концепции Жирара смысловое значение обрядов с участием фармака – это социальная идентичность, интеграция и очищение социума от скверны путем изгнания ее персонификатора. “Данный обряд – повторение спонтанного самосуда, который вернул в общину порядок, поскольку против жертвы отпущения и вокруг нее воссоздал единство, утраченное во взаимном насилии¹⁰. ... Где всего несколько мгновений назад были тысячи отдельных конфликтов, тысячи изолированных пар братьев-врагов, там снова возникает сообщество, собранное воедино в ненависти, которую ему внушает только один из его членов. Вся злоба, прежде раздробленная на тысячи разных индивидов, вся ненависть, прежде направленная куда попало, теперь сходится к единственному индивиду, к жертве отпущения”¹¹.

Едва ли не каждая воинская часть недавней советской и современной российской армии, подобно древнегреческому полису, специально заводила себе “чмо” – семиотическое подобие древнегрече-

ского фармака. Для этого из массы новобранцев выделялись наиболее слабые, иногда, страдающие виктимными комплексами лица, и общество их намеренно "чмырило", т.е. опускало в статусе посредством негативных символических действий. Важно заметить, что, как и древнегреческий полис, солдатский коллектив при глумлении над изгоем, которое позволено каждому, независимо от его места в иерархии, переживает общее, внестратовое единение. И "дух", и "дед", чьи положения совершенно полярны, могут совершать в отношении "чмо" одинаковые насильственные действия, и это признается социально ценным, поскольку семантически закрепляет принадлежность и "духа", и "деда" к некому социальному единству.

Таким образом, антиподы выполняют важную социализаторскую миссию – они демонстрируют своим примером всем "подрастающим поколениям" новобранцев, как жить не нужно. Их участь ужасна настолько, что созерцание этих несчастных изо дня в день вызывает катартические "страх и трепет", и инстинктивное желание следовать в той социальной парадигме, которая ведет не на дно, а к вершинам пирамиды. С другой стороны, "старшие товарищи" – "деды", "дембеля", и младший привилегированный класс "черпаки", они же "черепа" (солдаты срочной службы, прослужившие половину срока), охотно объясняют не обретшим социальное тело "духам", что нужно делать для того, чтобы этой вершины достичь. Нужно, разумеется, делать все, что скажут "деды" и "черепа". Так что принципы социальной мобильности "дедовщины" парадоксальны лишь на первый взгляд. Они примитивны и тем эффективны, абсурдны, но логичны: "первый год ты – никто, второй год ты – все". На фоне этой логики куда более абсурдно выглядят официальные принципы тотального равенства каждого перед исключаяющим всякую внутреннюю мобильность уставом: обезличивание и бесправие на протяжении всех двух лет службы выглядят таким же абсурдом, как и участь "чмо". В этом плане "опущенные" все два года службы живут "по уставу" и символически отправляются "на дембель" "с очка", т.е. покидают воинскую часть непосредственно с дежурства по роте, в котором и провели все два года за чистой туалетов. Таким образом, "чмо" как аккумулятор социальной скверны, не только семиотически, но и почти физически, "смешан с дерьмом" – антивеществом, операции с которым – единственная общественно полезная функция всех антисуществ. Важно заметить, что каждая ступень этой статусной лестницы оформлена разнообразными символами, за исключением первой, точнее сказать, "нулевой", единственным символом которой является само тело и его физиологические отправления.

Антипод как символ – это биологический субстрат аморфно асоциального существа, не прошедшего в своем развитии необходимых для социокультурного воплощения стадий. То есть в силу своей из-

начальной “ущербности” неспособный преодолеть дистанцию – от “ничто” до “все”, которую в этой “лаборатории культурогенеза” за два года проходят все, кто восходит по иерархической лестнице, принимая общие правила восхождения. Этот путь наверх связан с физическими страданиями и моральным унижением личности, которое воспринимается в качестве средства посвящения, неизбежно необходимого. Таким образом, антиподом может стать не только слабый, неряшливый, страдающий виктимными комплексами человек (каким обычно представляются “чмо”), но также и личность, обладающая обостренным чувством собственного достоинства.

Семантическая интерпретация унижения/уничтожения личности как инструмента инициации в ее первобытной логике (“умирает ребенок, рождается взрослый”) позволяет понять, каким образом такие неотъемлемые реалии воинской службы, как чистка чужих сапог и стирание чужих носков, “делают из пацанов настоящих мужчин”, согласно мнению, распространенному в российском обществе.

В столь экстремальной форме социальной консолидации сообщества, естественно стремящегося к распаду, т.е. состоящего из индивидов, когда-то принадлежащих к разным культурным традициям и социальным стратам, но вынужденных сосуществовать, будучи собранными и удерживаемыми насильно, антиподы несут социально-антропологическую миссию. Они самим фактом своего абсурдного существования обозначают границу, разделяющую социокультурное и социобиологическое.

ИНФОРМАЦИЯ И ТЕЛО. ФИЗИОЛОГИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО И СОЦИАЛИЗАЦИЯ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО

Человека, впервые попавшего в армию, в тюрьму или в иную разновидность концентрационного лагеря, шокирует само “концентрированное” состояние человеческой массы и, как следствие, высокий уровень “физиологичности” в символическом дискурсе коммуникаций. Видимо, физиологизацию символического дискурса социальной коммуникации в армии следует связывать с общими процессами десоциализации и семиотической деградации культуры.

В межличностной коммуникации военнослужащих постоянно акцентируются две темы: тема гомосексуального акта как символа иерархических и доминантных отношений в официальной и в неофициальной иерархии и тема дефекации в качестве символа отторжения, игнорирования доминантной экспансии со стороны начальника и общего нигилизма по отношению к системе в целом. Начальник, побуждая подчиненного к действию от имени системы, грозит

его "вы...бать", а подчиненному на него и на систему "насрать". В этих символах интеракции достигается баланс сил между личностью, которая всегда подчинена, и системой, которая всегда доминирует. Начальник, выступая от лица системы, должен всегда оказывать символическое давление, а подчиненный всегда должен ему символически противостоять. Как только этот баланс сил нарушается, противостояние из символического превращается в реальное, и опущенного могут "опустить" в статусе окончательно, как описано выше, но уже не на словах, а на деле. То есть перейти на более низкий смысловой уровень символов коммуникации – фактически, от полисемантики к моносемантике.

В доминантных отношениях среди военнослужащих и заключенных реальные физиологические акты используются в качестве символических средств формирования социальной структуры. Символическое мужеложство как средство разведения по полюсам социальной иерархии его пассивного и активного участников или организация для париев постоянного физического контакта с экскрементами – все это говорит об актуализации элементарных физиологических актов в качестве знаково-символических средств социального структурирования изначально аморфной антропологической массы.

В символическом осмыслении/восприятии собственного тела состоит начальная фаза социогенеза сознания, которая, во-первых, судя по данным структурной мифологии, лежит в основе культурогенеза, и, во-вторых, судя по совпадению этих данных с материалами этнологов по иррационально-символической деятельности животных, не является прерогативой человека. Как и информационная активность в широком смысле слова.

В частности, антропоморфный принцип космогонии представляет человеческий организм и продукты его жизнедеятельности в качестве аллегории структурных компонент мира и законов их функционирования. А в некоторых архаических мифах физиологические акты богов и первых людей акцентированы в качестве архетипа территориальной деятельности по обустройству вселенной. Например, японский бог-демиург Идзанаги провел водораздел мира точно так же, как собаки метят территорию¹².

Впрочем, и не только на ранних, но и на вполне зрелых стадиях ход эволюции культуры во многом определяется попытками осмысления, контролирования, упорядочивания, табуизации и кодирования естественных физиологических процессов. То есть с попыток как можно более полного вовлечения всех проявлений биологического в сферу символического.

Физиологический акт, переосмысленный и символически реализованный как акт социальный, и более того социогенный, высвечи-

вает те глубины социогенеза, на которых происходит “перезагрузка” социальных отношений в современной армии.

В Российской армии, равно как и в колониях заключенных, периодически имеют место случаи мужеложства с целью социального структурирования – “опускания” изгоев для формирования из них социального дна, для того чтобы была хоть какая-то почва под ногами у этих повисших в культурном вакууме лиминальности бесправных людей. Для того чтобы аморфная однополая масса приобрела хоть какую-то структуру. Именно в терминах гомосексуальных актов российские военные чаще всего обозначают служебные отношения между начальником и подчиненным и даже придумывают на эту тему соответствующие поговорки. Подчеркнем, что эти “тезисы” возникли не среди нормальных гомосексуалистов, а в агрессивной-брутальной армейской среде, преследующей всякий намек на реальную гомосексуальность.

Редукция символического дискурса социальных отношений в армии говорит об обратимости процессов культурного развития, возвращающей человека к “нулевой” семиотической фазе его специфически человеческой, внебиологической информационной эволюции.

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ЗАБОРА

Проблема примитивизации семиотического поля культуры в армии не была бы столь злокачественной, если бы ценности гражданского общества корректировали бы специфический менталитет военных, а не наоборот. Но в том и состоит принципиальное отличие истинно гражданского общества от обществ, пораженных синдромом тоталитаризма: в первых казарма подтягивается до общего уровня культуры, во вторых общий уровень культуры опускается до уровня казармы. Проблема России в том, что общий уровень ее правовой и политической культуры, даже на самом, казалось бы, “верху”, оказывается не выше, чем на самом, казалось бы, низу. И современные принципы ротации кадров в “элитах” не способствуют его повышению.

Исследователь российских элит Ольга Крыштановская, наблюдая процесс милитаризации власти¹³, пишет: “Набирая людей из числа военных и сотрудников спецслужб и пополняя ими политическую элиту, российский президент и люди из его окружения оказывают влияние на характер реформ в России. Военная среда по своей сути авторитарна, демократический стиль правления для нее чужд. Если бы речь шла о паре генералов, ставших политиками, серьезной причины говорить об опасности для общества не было бы. Но в данном случае речь идет об их мощном притоке во все сферы и на все уровни правительства. Количество, согласно известному диалектическо-

му закону, превращается в качество. То есть характерный для военных и разведывательных структур авторитарный стиль руководства может однажды стать единым для всей страны”¹⁴.

Авторитарный стиль правления – это социологическая сторона медали власти. Антропологическая же заключается во все той же примитивизации всей сферы политических отношений, связанной с уплощением полисемантического объема информационного поля и сокращением каналов коммуникаций. Постоянное расширение и усложнение информационного поля необходимо любой саморазвивающейся системе, но в группах, в которых взаимодействие основано на сигналах-командах и тайнах-секретах, принципы открытого общества признаются такими же избыточными и вредными, как и солдат, рассуждающий о смысле полученного приказа. Результаты семиотической редукции коммуникаций вследствие милитаризации власти ведут к десоциализации элит и проявляют себя в первую очередь в символах-отношениях, принятых в их группах, т.е. там, где “элита” обращается друг к другу на своем языке.

На всех уровнях политических “элит” в современной России физиологические акты сохраняют свое значение в качестве ресурса политического влияния. Физиологизация политики сама за себя говорит о состоянии политической культуры. Вспомним “компромат” на генпрокурора Ю. Скуратова – видеосъемку из борделя, показанную по федеральному каналу. Или ответ депутата Госдумы Алексея Митрофанова на вызов “цветных революций” в странах СНГ, выразившийся в съемке порнофильма “Юлия”, главные герои которого – лица, похожие на премьер-министра Украины и президента Грузии.

В ряд этих примеров можно добавить и физиологический юмор президента Путина, которым он периодически шокирует мир за пределами кремлевской стены, используя в качестве “оружия” против оппонента, на вопрос которого не может ответить по существу, яркие физиологические образы¹⁵.

Или еще эпизод. В одной из радиопередач “Эха Москвы”, комментируя слова Михаила Ходорковского о том, что тот по освобождении из тюрьмы не собирается мстить, журналист Матвей Ганапольский, некстати вспоминая Евангелие и слова про одну и другую щеку, “остроумно” шутит: “Ну, посмотрим, что он там в колонии будет подставлять...”¹⁶ “Отличный юмор. Очень знаковый, – комментирует message Ганапольского многомиллионной аудитории радиослушателей художник и публицист Никита Алексеев. – Он показывает: предположение, что на зоне всякого могут, а то и должны отпидарасить, совершенно естественно. Я все же имею надежду, что это не совсем так”¹⁷.

Этих примеров уже достаточно для подтверждения тезиса о том, что именно следствием распада полисемантических связей,

формирующих объем и насыщенность информационного поля культуры, можно объяснить повышенное внимание всех тоталитарных режимов к физиологической тематике. В этом смысле в одном ряду следует рассматривать все практики по соблюдению “расовой чистоты” – от опытов нацистов “третьего рейха” до инициатив депутатов Государственной Думы, спекулирующих темой “русского генофонда”. Например, недавние инициативы ЛДПР лишать российского гражданства всех вступающих в брак с иностранцами или истерики по поводу усыновления российских детей гражданами других государств.

Смысл таких инициатив – актуализация физиологического в качестве последнего интегрирующего фактора в обществе; точнее, снова, как в антропогенезе, первого – поскольку физиологическое на фоне деградации политического остается тем единственным, что понятно и близко каждому.

Антропологические интерпретации позволяют высветить отдельные метаморфозы политической истории в новом неожиданном ракурсе. При этом замечу, что наши интерпретации обходят стороной возможности психоанализа, как не востребуемые в русле семиотики.

Сама постановка вопроса о функционировании физиологии на уровне языка знаков переводит проблему сексуального поведения в область семиотики культуры. «Коренная ошибка фрейдизма, – пишет Ю.М. Лотман, – состоит в игнорировании того факта, что стать языком можно только ценой утраты непосредственной реальности и перевода ее в чисто формальную – “пустую” и поэтому готовую для любого содержания сферу. Сохраняя непосредственную эмоциональную (и всегда индивидуальную) реальность, свою физиологическую основу, секс не может стать универсальным языком. Для этого он должен формализоваться, полностью отделиться, – как это показывает пример признающего свое поражение павиана [в знак которого побежденный самец принимает позу самки. – К.Б.], – от сексуальности как содержания. Попытки возратить в физиологическую практику все те процессы, которые культура производит, в первую очередь, со словом, делают не культуру метафорой секса, как утверждал Фрейд, а секс – метафорой культуры»¹⁸. В общем, на уровне павианов, сексуальное является архетипическим символом социального и проявляется так же как и у солдат, заключенных и у отдельных депутатов, – в символической институализации доминантных отношений.

Мы не отказываем депутату Митрофанову в его праве конвертировать либидо в средство международной политики и вовсе не утверждаем, что то, что красит павиана, не к лицу депутату Госдумы. Депутату все к лицу, что нравится его избирателям. В данном кон-

тексте стоит задуматься разве что о проблемах глобальной безопасности. Популярность физиологических образов в качестве инструментов влияния среди российской политической "элиты" свидетельствует лишь о том, что в современной России за обслуживание, хранение и применение ядерного арсенала отвечают группы людей, чьи отношения основаны на тех же семантических интеракциях, что и в стаде павианов.

“АРХАИЧЕСКИЙ СИНДРОМ”, ЕГО РОЛЬ В КУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

“Властный символизм оказывал непосредственное воздействие на мышление архаического человека и, прежде всего, на его иррациональные пласты. ... Более того, в периоды общественно-политических кризисов и дезинтеграций, а также идеологических деградаций реактуализируются наиболее архаические формы проявления властных отношений. Этот феномен возрождения комплекса архаических представлений, стереотипов и норм поведения уже получил название архаического синдрома”, – пишет исследователь систем власти В.А. Попов¹⁹.

Семиотический анализ армейских социальных реалий убеждает нас в том, что законам генезиса и развития культуры присущи нелинейность и обратимость. За детабуизацией интимного в армии прослеживается тенденция десемиотизации социальных отношений, в которой архетипы коллективного бессознательного реактуализируются в качестве правовых норм. Я в этом явлении “архаического синдрома” вижу не только и столько деградацию культуры, сколько ее фундаментальный принцип самосохранения. Архетипы коллективного бессознательного (в том числе нормативно-символическая реактуализация физиологии) предстают перед нами в своем фундаментальном качестве – в качестве ключевого и пускового фактора системной организации информационной активности человеческого (а как показывает опыт павианов, и не только человеческого) сознания.

Структуры коллективного бессознательного реактуализируются тогда, когда обширный социальный кризис не оставляет оснований для конструктивной консолидации и позитивной идентичности. Архетипы оказываются последней системообразующей инстанцией, способной пресечь процесс дезинтеграции социального сознания, спасая его тем самым от окончательного распада. Те факты актуализации физиологических актов в качестве социально-нормативных показывают, до какой стадии деградации доводит человеческие сообщества процесс упрощения их интеркоммуникационных связей – до стадии высших животных.

И в то же время на тех же примерах мы наблюдаем, как подобно “предохранителям” в социогенной функции срабатывают архетипические структуры коллективного бессознательного, как стремительно и с какого уровня происходит “перезагрузка” социальных отношений и культурных норм. “Дедовщина” в своем противостоянии “уставщине” рождает целую систему альтернативной культуры со своим фольклором, поэзией, эстетическими канонами, социальной памятью, символическими системами коммуникации и т.п., составившую целый пласт в рамках общенациональной культуры России конца XX – начала XXI в.

Именно реактуализацией архетипических структур и образов можно объяснить сходство статусных символов и ритуалов дедовщины с символами и ритуалами архаических сообществ. Но это представляется уже не столь важным. Важно то, что за всеми извращениями “дедовщины”, за ее насилием над человеческой личностью открывается еще одно базовое значение символов культуры – адаптивное. В фольклоризации реальности происходит преодоление агрессии и насилия путем их символизации и в итоге преобразование деструктивного экзистенциального абсурда в семантический конструктивный.

КАРНАВАЛ В КАЗАРМЕ. КАЗАРМА КАК КАРНАВАЛ

Несмотря на постоянное насилие и агрессию, как образ социального действия в армейских коллективах, жизнь в казармах довольно веселая. “Кто в армии служил, тот в цирке не смеется”, – говорят солдаты сами про себя.

Рефлексия, попытки объяснения, переходящие в самооправдание, солдат, их самоирония на тему интеллектуальной ограниченности военной среды – все эти рефлексии направлены на перевод экзистенциального абсурда в семантический, в результате чего современная российская культура пополнилась целым пластом неофольклора под названием “армейские маразмы”.

В этом жанре осмыслиется как семантический (эстетический), так и экзистенциальный (этический) абсурд уставщины и пародируется в ее оригинальном устном фольклоре – “армейском маразме”, основанном на принципе трансформации или столкновении смыслов в единице текста.

Смеховая сторона агрессии представляется системой психологических защит сознания от переживания ее уничтожающей сути. В таком общественном “празднике”, как глумление над изгоем, отчетливо прослеживаются карнавалы элементы. В постсоветской ар-

мии возник новый карнавал – так называемый “День ох...го духа”, организованный по принципу инверсии бытовых доминантных отношений. В этот день “деды” с “духами” меняются ролями.

Из солдатских писем: «А вечером мы обычно ходим по домам – продаем краску, жель и другие стройматериалы. А потом отдаем деньги “дембелям”, а они, как только появится возможность, покупают “химку” и курят, а потом ночью нас заставляют отжиматься и делать разные “штучки”, чтобы посмеяться. А так, когда “не обкурены”, они – неплохие парни. ... Через 13 дней будет “день ох...го духа”, когда до приказа остается 50 дней. Мы можем потребовать с “дембеля” сигареты, конфеты или еще чего-нибудь. Но после того, как этот день пройдет, нас опять будут гонять, как и прежде. Может, сильнее».

Универсальное социально-психологическое значение карнавала – разрядка внутрисоциальной напряженности, достигаемая через инверсию традиционных ролей и снятие повседневных запретов.

Л.С. Клейн в этой связи заметил, что в тюрьмах искажается язык. Целый лексический пласт существительных трансформируется уменьшительными суффиксами, “камерка”, “комнатка”, “мамка”, “начальничек” и т.п. Люди, таким образом, бессознательно дистанцируются от собственной жизненной трагедии, подчеркивая в речи иллюзорность, “игрушечность” актуальной реальности²⁰.

То же самое можно сказать и о солдатском сленге. Слова-заменители употребляются для трансформации. Вместо “пытаю”, “принуждаю”, “унижаю”, “избиваю” – “воспитываю”, “придаю ускорение”, “учу Родину любить”, “объясню политику партии”. Инфантильное сознание боится осознать содеянное. Поэтому карнавальные инверсии, вызывая психологическую разрядку, не способствуют осознанию реальности, напротив, самые сильные табу в солдатских коллективах накладываются на открытый разговор, открытость информации.

Все члены группы обязаны если не участвовать в насилии, то смеяться или разделять общее приподнятое настроение. Сочувствующий жертве разделит судьбу жертвы, но не за акт сострадания, а за реализованное посредством него экзистенциальное “разоблачение” семантического насилия, которым чревато серьезное отношение к тому, что принято считать смешным.

Свидетели того, как в зонах “опускают” человека, сообщают, что акция обставляется как карнавальная свадьба, наподобие свадеб шутов при королевских дворах. Аналогия неслучайна, поскольку и в том, и в другом случае смех возникает как реакция на акт социальной инверсии. И одновременно смех выступает защитой реализованных с целью жесткого контроля извращений, т.е. “творческого подхода к насилию”.

Как в традиционном обществе детабуизация физиологической темы осуществлялась исключительно в рамках смеховой, карнавальной культуры, так и в армии повышенная психологическая напряженность вызывает спонтанные проявления карнавальных рефлексов с их традиционной детабуизацией физиологической темы.

АПОЛОГИЯ АБСУРДА

Репрессивный контроль изолированной и замкнутой на себя армейской системы тотален и охватывает все категории военнослужащих, но именно как абсурд проявляется лишь на границе военного социума с общегражданским. Бегство от абсурда военнослужащих самых разных должностей и званий заставляет “лечить подобное подобным” и рационально эксплуатировать саму идею безумия. Особенно пародируются в “маразмах” центральные темы официальной идеологии, о которых на официальном уровне принято говорить всерьез и с пафосом. Например, об уставных правовых отношениях в армии, которые как бы есть, но которых как бы нет. Зато есть практическая эксплуатация идеи безумия, ресурса личности, вступающей в конфликт с законом. Одним из распространенных средств уклонения призывной молодежи от принудительной воинской службы в российской армии конца XX – начала XXI в. является симуляция психических заболеваний, как это называется – “косить под дурака”. Но также все чаще мы сталкиваемся с ситуациями, когда психиатры обследуют на предмет вменяемости не только призывников, но и командиров высоких рангов, которые таким образом стремятся уйти от ответственности за совершенные на службе преступления. И те, и другие имеют шанс встретиться в коридоре одного сумасшедшего дома, фактически оставаясь здоровыми людьми. На рубеже тысячелетий сумасшедший дом стал символом отношения трезвомыслящего человека к воинской службе и убежищем для самых крайних категорий военнослужащих – призывников, не желающих добросовестно служить, и командиров, не способных конструктивно руководить своими подразделениями.

Если в “психушках” томятся в противостоянии с системой реально хитроумные офицеры, то там, где рефлексия абсурда реализуется в художественной области солдатского фольклора, начальник-офицер обычно предстает идиотом, речи которого исполнены пафоса, но лишены смысла, поскольку он постоянно невпопад употребляет “умные” слова и просто неспособен связно формулировать мысли.

Эксплуатация абсурда в армейском фольклоре, производя на свет литературный жанр “армейского маразма”, не исчерпывается,

как явление культуры, ни своим этическим, ни эстетическим аспектами. Тексты "армейских маразмов" показательны своей структурой, которую образуют пересекающиеся и абсурдно сочетающиеся смыслы: "от забора до обеда", "здесь вам не тут", "кто не все, того накажем". В единице текста происходит трансформация реальности. Абсурд в этих произведениях сюрреалистичен. Он открывает ресурс внутреннего динамизма, благодаря чему абсурд армейской редакции стал предметом эстетического переживания в гражданском обществе, а в самой армии – средством достижения психологической независимости. Эстетика абсурда в армии связана со специфической этикой межличностных отношений. Абсурд, возведенный в этико-эстетический принцип, расширяет границы реальности и выводит всех участников социальных отношений за пределы их ограниченного, подавленного, униженного существования и тем самым восстанавливает утраченную в агрессивной бытовой рутине смысловую многомерность бытия, и в результате абсурд из средства подавления гражданской личности в армии превращается в средство воссоздания ее внутренней свободы.

¹ [http:// lit.lib.ru/d/dedovschina](http://lit.lib.ru/d/dedovschina)

² Банников К.Л. Антропология экстремальных групп. М., 2002.

³ Оруэлл Дж. "1984" и эссе разных лет. М., 1989.

⁴ Бродский И.А. Меньше единицы // Сочинения Иосифа Бродского. СПб., 1999. Т. 5. С. 20–21.

⁵ Гудков Л. Идеологема "врага": "Враги" как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага. М., 2005. С. 42.

⁶ Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983. С. 169.

⁷ Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.; Воронеж, 1996.

⁸ Левинсон А. Об эстетике насилия. Армия и общество в СССР/России за последние 10 лет // Неприкосновенный запас. М., 1999. № 2 (4).

⁹ Жирар Р. Насилие и священное. М., 2000. С. 118–119.

¹⁰ Там же. С. 118.

¹¹ Там же. С. 101.

¹² Нихонсёки. Анналы Японии / Пер. и коммент. Л.М. Ермаковой и А.М. Мещерякова. СПб., 1997. С. 125.

¹³ Ольга Крыштановская: "Среди сотрудников аппарата представителей Путина в семи вновь созданных президентских округах многие посты молниеносно заняли военные (до 70 процентов всего персонала). ... За последнее время все больше людей с военным прошлым или из разведки работает даже в Министерстве экономики. Только среди заместителей министров их 35 процентов" (www.inosmi.ru/translation/187653.html).

¹⁴ Крыштановская О. Владимир Путин протезирует бывшим военным // Süddeutsche Zeitung. 2003. 20 Jul. (интернет-версия: www.inosmi.ru/translation/187653.html).

- ¹⁵ Американские журналисты с удивлением узнали истинное содержание речи, с которой президент России Владимир Путин выступил на пресс-конференции в Брюсселе в ноябре 2004 г. В варианте переводчика фраза Путина выглядела следующим образом: “Если вы хотите стать исламским радикалом, приезжайте в Москву. Мы мультиконфессиональное и многонациональное государство. Пожалуйста, приезжайте, в Москве терпимо относятся ко всему и ко всем”. В действительности, как с удивлением узнали журналисты “Нью-Йорк таймс”, слова Путина звучали значительно более угрожающе: “Если же вы готовы стать самым радикальным исламистом и готовы сделать себе обрезание, приглашаю вас в Москву. Я порекомендую сделать операцию таким образом, чтобы у вас уже ничего не выросло” (www.rosconcert.com/common/arc/story.php?id_cat=24&id=24502).
- ¹⁶ Эхо Москвы. 2005. 31 мая.
- ¹⁷ Алексеев Н. На нары, брат, и долой Европу! // Иностранец. М., 2005. № 20 (65). С. 7.
- ¹⁸ Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 141.
- ¹⁹ Попов В.А. Символы власти и власть символов // Символы и атрибуты власти. СПб., 1996. С. 12–13.
- ²⁰ Лев Самойлов (Клейн Л.С.) Этнография лагеря // Этнографическое обозрение. 1990. № 1.